

Кирилл Феферман

Войтенко Е.А. Холокост на юге России в период Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.). Дисс. на соиск. учен. степени канд. ист. наук по специальности 07.00.02 (Отечественная история). — Ставрополь: Ставропольский гос. ун-т, 2005. — 236 с.

На правах рукописи¹.

В кандидатской диссертации аспирантки Ставропольского государственного университета Елены Войтенко, защищенной в 2005 году, рассматривается проблематика Холокоста на Северном Кавказе (Ростовская область, Краснодарский край, Ставропольский край, Северо-Осетинская и Кабардино-Балкарская АССР), а также в ряде прилегающих районов России (Сталинградская область и Калмыцкая АССР)².

С точки зрения тематики работа Е. Войтенко безусловно представляет интерес, так как по ряду причин до сих пор не существовало всеобъемлющей истории Катастрофы, которая постигла еврейское население на территории Северного Кавказа. Только в последнее время на Западе, в Израиле и в России появились первые работы на эту тему³. Однако на момент утверждения работы Е. Войтенко они еще не были опубликованы.

Вместе с тем существует немалый объем литературы на английском, немецком и иврите, знание которой необходимо при изучении темы Холокоста на данной территории. В первую очередь, имеются в виду главы, посвященные Северному Кавказу, в фундаментальных трудах немецкого историка Андрея Ангрика о деятельности эйнзатцгруппы D⁴ и израильского историка Ицхака Арада о Катастрофе на территории СССР⁵. В более

широком смысле существует серьезная научная литература на иврите, английском и немецком, темой которой является изучение немецкого оккупационного режима и Холокоста в других оккупированных регионах СССР⁶. Полагаю, что отсутствие этой литературы среди источников серьезнейшим образом ограничивает аналитическую часть работы Е. Войтенко. При всей уникальности событий на территории Северного Кавказа аналогичные процессы, а именно поголовное уничтожение еврейского населения, происходили на оккупированных территориях Европы и Советского Союза повсеместно. Это относится и к применению немцами «душегубок», и к созданию и функционированию юденратов, то есть, к тем аспектам, которые представлены автором как специфические для Холокоста в данном регионе.

При изучении темы Холокоста, как и любой другой, важно использование источников, представляющих всех участников этого явления. В данном случае речь идет об источниках на русском (язык местного населения и многих евреев, оказавшихся на Кавказе), немецком (язык стороны, которая инициировала и осуществила в значительной части «окончательное решение еврейского вопроса» на территории Северного Кавказа), а также на языке жертв (как уже упоминалось, русский, но наряду с ним и идиш). С этой точки зрения работа сильнейшим образом «хромает»: практически полностью отсутствуют источники (как архивные, так и литература) на всех других языках, кроме русского.

Казалось бы, такой дисбаланс должен был бы диктовать необходимость опереться на широкий комплекс материалов на русском языке, компенсирующий недостающие источники на других языках. Можно было ожидать, что автор представит взгляд жертв и палачей, скажем, как он видится из судебно-следственных дел над пособниками немцев, которых отложилось немало в северокавказских и московских архивах⁷. Если эти материалы оказались недоступны и для Е. Войтенко, то это следует указывать в тексте диссертации. В нынешнем же варианте работы создается впечатление, что исследовательница просто предпочла не обращаться к этим материалам. Так или иначе, в смысле архивного обеспечения работа базируется целиком и полностью на материалах Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК), отложившихся как в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в Москве, так и в местных северокавказских архивах. Об особенностях документов ЧГК написано немало⁸: в первую очередь, это подверженность работы ЧГК политическим установкам из Москвы и зависимость ее работы от различных органов безопасности в процессе получения первичной информации. В связи с этим исследова-

тельская работа, построенная лишь на одной группе источников, заранее обречена на неуспех.

Касательно содержания работы у читателя возникают следующие вопросы. Автор справедливо указывает на существование в историографии различных подходов к проблеме определения групп, ставших жертвами Холокоста, и в итоге выбирает универсалистскую концепцию, согласно которой к таковым относятся все группы, подвергавшиеся систематическому преследованию со стороны нацистской Германии (автор пишет: «Холокост был государственно-организованным, систематическим преследованием и уничтожением ряда европейских народов нацистской Германией и ее союзниками между 1933 и 1945 годами», с. 4). Позицию свою автор никак не аргументирует, кроме ссылки на то, что в таком значении этот термин используется в «Соглашении об имуществе жертв» Холокоста (с. 7). Однако с таким определением согласиться нельзя. Все остальные религиозные, этнические и политические группы, причисленные Е. Войтенко к жертвам Холокоста, не подвергались уничтожению на всей территории, оказавшейся под немецкой оккупацией в ходе войны. В том или ином месте, в то или иное время делались исключения из правил. Для евреев же исключений не было. В этом вопросе гитлеровская Германия не шла на компромиссы, и в этом особенность Холокоста⁹. (Попутно заметим: недоумение вызывает уже сам факт употребления на протяжении всего текста диссертации термина «Холокост» с маленькой буквы, в то время как в международной, да и в российской историографии уже давно принято его иное написание).

В известном смысле такая позиция является прямым продолжением утверждения советской историографии, которая если и признавала, что евреи подвергались преследованиям со стороны немцев, то тут же оговаривала, что во время войны все национальные группы СССР понесли одинаково тяжелые потери и что целью гитлеровцев являлось физическое уничтожение всего советского народа. Никим образом не умаляя огромных жертв, понесенных различными народами Советского Союза во время войны, все же стоит помнить, что ни в одном случае, кроме евреев, речь не шла о поголовном истреблении. Ссылки на Генеральный план «Ост» (с. 51–72) не являются убедительными, так как не доказано, в какой степени этот документ был принят Германией как руководство к действию.

В разделах, непосредственно посвященных Холокосту (с. 97–178), приводится детальная хроника уничтожения евреев и других групп населения на территории юга России. Однако практически полностью отсутствует совершенно необходимое объяснение того, как случилось, что десятки тысяч евреев, не являвшихся жителями региона, оказались в период войны

на Северном Кавказе, особенно на второй год войны. Не говоря уже и о желательности прояснения еврейского вопроса на юге России в межвоенный и дореволюционный период. А ведь уже в это время начали формироваться взгляды северокавказского населения по отношению к евреям, которые сказались и на его поведении в период войны. Однако описание событий начинается с момента немецкой оккупации. Ни слова не сказано об антисемитской пропаганде, активно проводившейся немцами в регионе, об ее влиянии на местное население. Вообще, последнее практически не присутствует в работе Е. Войтенко как самостоятельный субъект, а фигурирует лишь как объект политики немецкой администрации. А где же те, кто спасали евреев или сдавали их властям, где агенты полиции, где отношение местной церкви к уничтожению евреев? Всего этого нет в данной работе.

Как предполагается, не случайно. Все это укладывается в давно формирующийся взгляд (не только в России, но и во многих других пострадавших от нацистской Германии странах), согласно которому геноцид еврейского населения и прочие зверства были учинены исключительно немецкими захватчиками при поддержке мизерного слоя изменников из местного населения. Понять такой взгляд можно. Он был и остается удобен с политической точки зрения. Но факты — упрямая вещь, и они говорят, что число людей, участвовавших в той или иной степени (от написания доноса в полицию до получения имущества убитых евреев) в антиеврейской политике, не говоря уже о тех, кто приветствовал «окончательное решение», не принимая в нем непосредственного участия, во всех оккупированных странах было заметно шире. Логично предположить, что аналогичные процессы имели место и на юге России, однако это никак не отражено в данной работе.

Несколько слов о структуре работы. Автор заявил, что объектом ее исследования является «оккупационная политика нацистской Германии на временно оккупированной территории юга России (1941–1943 гг.)» (с. 6). Однако обнаруживается, что к этому объекту Е. Войтенко подступает лишь на 97-й странице. Чему посвящены предыдущие? Общим рассуждениям о сути геноцида, об основах нацистской политики по отношению к евреям, никак прямо с поставленной темой не связанным. Излишне говорить, что эта часть (половина текста!) основывается целиком и полностью на давно известных фактах, описанных как в научной, так и в научно-публицистической литературе. Создается впечатление, что автор пытался таким образом компенсировать отсутствие своего собственного научного исследования.

Исходя из указанной цели, диссертант поставил перед собой следующие задачи (с. 16):

1. Проанализировать идеологические истоки Холокоста и их реализацию в оккупационной политике национал-социализма;
2. Выявить основные методы осуществления Холокоста на временно оккупированной территории Европы и Советского Союза;
3. Исследовать особенности осуществления Холокоста на временно оккупированной территории Юга России;
4. Проанализировать масштабы осуществления Холокоста нацистской Германией на оккупированной территории Юга России.

Как указано выше, неясно, какое отношение имеют пп. № 1–2 к объекту исследования. Задача № 3 не выполнена по причине отсутствия сравнительного аспекта в работе. Пожалуй, более или менее можно говорить лишь о выполнении четвертой задачи. И лишь постольку, поскольку это позволяют сделать документы ЧГК, так как другие источники автором не были привлечены.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что кандидатская диссертация Е. Войтенко имеет серьезнейшие недостатки, главными из которых видятся следующие: недостаточность источниковой базы, несоответствие проведенного исследования поставленным задачам; игнорирование некоторых важных аспектов исследования (как-то проблемы эвакуации либо поведения местного нееврейского населения по отношению к евреям); отсутствие сравнительного подхода, который позволил бы понять, в чем, кроме чисто технических моментов (количество жертв, места проведения акций, способы умерщвления и т. п.), заключались особенности Холокоста на Северном Кавказе. В результате появилась работа, которая по общепринятым международным академическим меркам более соответствует жанру расширенной энциклопедической статьи.

Примечания

¹ Доступ к тексту диссертации (в формате PDF) на веб-сайте Российской Государственной библиотеки по адресу: http://orel3.rsl.ru/dissert/EBD_951_voytenkoEA.pdf

² Именуемых далее в данной рецензии Северный Кавказ или юг России.

³ Напр., см.: *Feferman K. Nazi Germany and the Mountain Jews: Was There a Policy? // Holocaust and Genocide Studies.* — 2007. — № 1 (21). — P. 96–114; *Idem. Jewish Refugees under the Soviet Rule and the German Occupation in the North Caucasus // Revolution, Repression and Revival: The Jews of the Former Soviet Union / Z. Gitelman and Y. Ro'I, eds.* — Lanham, Md., 2007. — P. 211–244.

⁴ *Angrick A. Besatzungspolitik und Massenmord: Die Einsatzgruppe D in der südlichen Sowjetunion 1941–1943.* — Hamburg, 2003. — P. 545–670.

- ⁵ Arad Y. Toldot ha-shoa. Brit ha-moetsot ve-ha-shtakhim ha-mesupakhim. — Jerusalem, 2004. — P. 525–530.
- ⁶ Напр., см.: *Kanaani T.P.* Ze lo ota Grodna. Kehillat Grodna ve-svivata b-michama u-be-shoa, 1941–1943. — Jerusalem, 2001; *Dean M.* Collaboration in the Holocaust: crimes of the local police in Belorussia and Ukraine, 1941–44. — NY, 2000; Täter im Vernichtungskrieg: der Überfall auf die Sowjetunion und der Völkermord an den Juden / K. Wolf, ed. — Berlin, 2002.
- ⁷ Напр., см. материалы судебного процесса в Краснодаре (Архив Федеральной службы безопасности РФ, д. Н-16708).
- ⁸ Напр., см.: *Sorokina M.* Peoples and Procedures. Toward a History of the Investigation of Nazi Crimes in the USSR // *Kritika*. Explorations in Russian and Eurasian History. — Fall 2005. — V. 6, № 4. — P. 797–832; *Fejerman K.* Soviet Investigation of Nazi Crimes in the USSR: Documenting the Holocaust // *Journal of Genocide Research*. — 2003. — Ser. 5. — № 4. — P. 587–602.
- ⁹ Обоснование данного подхода см.: *Browning C.R.* The Origins of the Final Solution: The Evolution of Nazi Jewish Policy, September 1939 — March 1942. — Lincoln; Jerusalem, 2004; *Friedlander H.* Step by Step: The Expansion of Murder, 1939–1941 // *The Holocaust: Origins, Implementation, Aftermath* / O. Bartov, ed. — London, 2000. — P. 63–76; *Toury J.* From Forced Emigration to Expulsion: the Jewish Exodus over the Non-Slavic Borders of the Reich as a Prelude to the Final Solution // *Yad Vashem Studies*. — 1986. — № 17. — P. 51–92; Is the Holocaust unique? Perspectives on comparative genocide / A.S. Rosenbaum, ed. — 2nd ed. — Boulder, Colo, 2001; *Rosenberg A.* The issue of the Holocaust as a unique event // *Genocide in Our Time* / M.N. Dobkowski and I. Wallimann, eds. — Ann Arbor, Mich., 1992. — P. 47–65.